

Саша Ирбе
ГОРЯЧИЙ АККОРД

Серия «Поэтическая библиотека»

«Горячий аккорд» — пятая поэтическая книга Саши Ирбе, в которой она решила отказаться от строго выстроенного в своей цельности полотна сборника. Стихи связаны с двумя переломными периодами в её жизни, и порой может показаться, что написаны они разными авторами. Но есть то общее, что объединяет стихи Саши Ирбе, по словам Нины Красновой, «самой трепетной и самой утонченной души в нашей молодой поэзии», — это искренность на грани исповедальности, драматизм, особый ритмический рисунок.

Многократный призёр и победитель международного литературного конкурса «Вся королевская рать», победитель литературных конкурсов «Многоточие», «Золотой микрофон» и других. Лауреат Грушинского конкурса в номинации «Поэзия». Автор текстов поэтических спектаклей «Поэзия под барабаны» и «Пять слов о прощании» по «Поэме экстаза» и «Поэме огня» А. Н. Скрябина.

*Книга издана при содействии Министерства культуры
Российской Федерации и Клуба писателей-выпускников
Литературного института им. А. М. Горького*

саша
ирбе

*горячий
аккорд*

ГОРЯЧИЙ АККОРД

Рассматриваю поэзию как диалог души и души, как возможность высказать то, чего в реальной жизни не скажешь. И буду благодарна каждому, кто сможет меня услышать.

Автор

I. Картинки из жизни

Он курит, долго варит чай,
идёт домой, когда стемнеет,
жену поздравить невзначай.
Она от нежности немеет.

Она отвыкла,
 чтоб её
и обнимали, и любили,
в старинном шкафчике бельё,
в индийском
и фламандском стиле,

в квартире,
 где всегда одна.

Почти...

А белая тарелка
заморских сладостей полна —
на скатерти в горошек мелкий,

в груди — усталости струна:
он вдруг появится — уедет.
И не одна, — а всё одна —
среди машин и башен бредит

о том, что всё ещё придёт:
любовь, восторги, восхищенье, —
а время душу пьёт и пьёт
и не бывает возвращенья.

...Походы к маме,
круг
 подруг,
глаза,
склонённые в печали.

А Новый год приходит вдруг,
такой же,
как и был в начале
тот прошлый —
позапрошлый год.
И всё грядущее бесменно!..

А жизнь пройдёт обыкновенно,
без всяких вздоров и забот.
И вновь появится вопрос:
«Не лучше ль жить грешно и круто,
чем ждать кого-то, петь кому-то
почти безмолвно
и всерьёз?!»

СТАРИКИ

Он улыбался, точно плыл закат
лишь в первый раз
 (пускай и плыл в последний).
И каждый встречный
 был безмерно рад
его улыбке ласковой
осенней.

Почти до боли светлый и родной
(и видно, что спадали вмиг морщины),
старик с цветами нёсся к ней одной,
единственной любимой, без причины.

Ему в ответ
 зажглись десятки солнц
в её глазах
 (пусть ослабели руки).
Мне кажется,
 что изо всех оконц
к ним понеслись
 торжественные звуки.

И так вдвоём смеялись старики,
что на скамейке палочку забыли,
и так держались вместе две руки,
как будто вечность неразлучны были.

Им улыбался чёрствый дипломат,
что по бульвару следовал картинно,
и мальчик,
 что всего лишь час назад
влюбился в одноклассницу
 Марину.

И пусть на миг встречали стариков,
идущих тихо
 и идущих рядом,
я знаю, все —
 без всяких дураков —
их провожали мыслями и взглядом.

И каждый верил

в чудо во плоти,
и каждый молодец за ними следом,
и понимал,
что встретил на пути,
то, что ещё не чувствовал, не ведал.

И так неважно, что грядёт потом
и что у них в той прежней жизни было,
но счастье всё поставило вверх дном,
всё разожгло, распяло, разбудило.

Я знаю, каждый,
как домой придёт,
тех стариков не раз с печалью вспомнит.
И на покой его унылых комнат
вдруг светлый луч надежды
упадёт.

МАЛЬЧИК С ПАРАДА

1

«Я не знаю, как стреляет пушка»
(слава богу, что не знаешь ты), —
шепчет мальчик бабушке на ушко
на параде. (Помыслы чисты.)

Этот мальчик многого не знает
(и, дай бог, чтоб вовсе не узнал!),
как солдат без усталости стреляет,
как ему становится подвал

отчим домом, царствием господним,
но и там боится в тишине,
что ещё придут *они* сегодня,
давши волю горю и войне.

Он не знает, как под утро к маме
нету сил и незачем бежать;
как кричали тёмными ночами
свою боль не смевшие сдержать;

и как молча близких хоронили
не в могилы... мёртвых на себе
на пустое кладбище сносили;
как потом в квартире и в избе

дети (лишь случайно уцелели)
от простого щёлканья сучка
вспоминали, как они гремели —
пушки — напролом, наверняка,

и уже в спокойной жизни нашей
в страхе забивались под кровать.
точно зная: нету жизни краше
той, где могут вовсе не стрелять.

2

«Я не знаю, как стреляет пушка!» —
хнычет мальчик, к бабке прислонясь.
И глядит усталая старушка
на него, родного, прослезясь.

И, сутулясь, крестится победно
на плакат, на красную звезду
и на фото, где солдатик бледный,
в сорок пятом сгинувший году.

БЫВШЕМУ ТЕНОРУ

1

Быть мальчиком на побегушках,
её часами, рюкзаком,
любимой плюшевой игрушкой
и ночником?!

Какое доброе мещанство:
тебе начальница — жена.
Сама из дома строит царство,
во всём верна.

Ты счастлив?.. Нет...
Но так успешно
жениться каждый норовит,
чтоб жить безбедно и безгрешно,
иметь значение и вид.

Но как же вдруг сжимает клетка
ту грудь,
которой данность — петь.
Как ваша вздорная соседка,
готов теперь ты
зареветь,
вскричать
без видимой причины
(смирение — ценою в грош),
а к векам близятся морщины
и в сердце — дождь.

2

Прости, в судьбу твою не лезу.
Мне только жаль, что тает свет,
а в тихой жизни затрапезной
тебя как будто бы и нет.

Я одного тебе желаю:
В конце тревог не пожалеть,
что там поют другой... другая...
что мог бы ты
их круче петь,

чтоб дар Эвтерпов [\[1\]](#), оживая,

в тебе не сделался огнём,
спокойный мир твой разрывая,
переворачивая дом.

Чтоб жил ты так: легко и сонно —
чтоб засыпало сердце в срок,
торжественно и обречённо,
как в пору сорванный цветок.

ПСКОВСКОЙ КРАСАВИЦЕ

Пока ещё, по молодости лет,
пока печалей и запретов нет,
твой умопомрачительный рассвет
тебе, я знаю, кажется прекрасным.

И принцев взгляды (тоненьких пажей),
на прочих ухажёров непохожих, —
тебя царицей делают уже
и матушку твою царицей тоже.

Но все пройдёт, лишь канет года два,
в свои права войдёт провинциальность,
и упадёт в подушку голова,
скрывая слёзы, — вырванность, ментальность, —

и принцы, воцарённые едва,
отправятся в работы и заботы.
Зачем же ты, красавица, жива?
Зачем ты вскоре влюбишься в кого-то?

Таким, как ты, не нарожать детей,
не прыгать с чёрным чайником на кухне.
Таким, как ты, — планету из затей.
Еще?.. — Свечу, которая не тухнет.

ЖЕНЕ АВДЕЕВОЙ

*

Как далека от всех причуд,
мирского блуда, сладострастья,
ты, околдованная чуть
желаньем музыки и счастья.

А в лёгком голосе твоём
звучит нетронутость любовью,
её не-испытанье болью,
её не-воцаренье в дом —
а ожиданье.

Так росы
под утро ожидают травы,
а вместе с ней восторгов, славы
и вдохновенной красоты.

Прости мне, Женечка, тоску:
она, как вихрь, во мне витает,
когда твой голос оживляет
спокойствие и простоту.

*

Как сладко белым быть листком,
не зная, что грядет потом,
а просто верить, как в бреду,
в свою заветную звезду.

Твоя звезда — в твоей груди,
в твоём смущении и пеньи,
завидую, что те мгновенья
ещё ты видишь впереди,

где рукоплещет целый зал,
где всё, как сну, тебе подвластно.
И шепчет Он:
«Она прекрасна.
О Боже!.. Это я сказал!..»

ПРЕЖНИМ РАБОЧИМ

Узнать хотелось,
кто тому виной,
что все они обмануты страной,
но в ту страну ещё нещадно верят.
Я слышала, как плачут за стеной
за ними закрываемые двери.

Не пенсии достойной, не надбавки,
но свято верят, что придёт пора —
и государство по архивам справки
вдруг наведёт, как с самого утра

всю-жизнь-весь-век без устали трудились
в подсобках пыльных, в пышущих цехах,
но ту страну любили, ей — гордились,
лишь за неё испытывая страх;

что, если добр — то добротой ответят,
что, если пашешь с самого утра,
то позже благодарны будут дети,
ещё — тобой любимая страна.

Теперь надежды канули бесследно
и откричали в небе журавли.
А жизнь, которой так служили верно,
они в своём грядущем не нашли.

Но даже в смерти, даже и в могиле
не смогут вдруг подумать старики,
что чуждой они Родине служили,
что так они от правды далеки.
Они уйдут.

Пока — всего лишь в койку.
И, дома, зажигая тусклый свет,
винить отныне будут перестройку,
что ей не дали вовремя ответ,

что не спасли страну, в которой жили,
но не посмеют даже в судный час
задуматься, что зря они служили
той Родине,

в которой так дружили,
которую несли,
боготворили,
которую оставили
для нас.

А. ШАМАРДИНУ

В печальный дом
из песенной страны
врывается, как чашка кофеина.

В его куплетах
празднество страны,
где все до восхищения едины.

Соединенье чар в его чертах —
густая гладь немеркнувшего диска.

В его глазах не страх — сплошное «Ах!»,
покой Афона, ярость Сан-Франциско...

А голоса стремительный излом
рождает ощущение побега.

И, изумившись, вдруг смеётся дом
вблизи церквей и «Ноева Ковчега»

и смотрит с удивлением в окно...
И я смотрю — мне некуда деваться.

И замечаю: солнышко взошло
и голуби уселись целоваться.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru